

Н. Н. Чебоксаров

## ПРОБЛЕМЫ ТИПОЛОГИИ ЭТНИЧЕСКИХ ОБЩНОСТЕЙ В ТРУДАХ СОВЕТСКИХ УЧЕНЫХ

Одним из крупных достижений советской науки за 50 лет, прошедших после Великой Октябрьской социалистической революции, является комплексная разработка проблем этногенеза и этнической истории. Характерно, что в недавно законченном многотомном издании Института этнографии АН СССР «Народы мира» этим проблемам отведено видное место. Не случайно в двух томах серии, отмеченных премией имени Н. Н. Миклухо-Маклая, проблемам происхождения народов и истории формирования современного этнического состава населения нашей планеты уделено большое внимание<sup>1</sup>. На VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук в августе 1964 г. работал специальный симпозиум «Проблемы происхождения древних и современных народов», само название которого показывает, что советские и многие зарубежные ученые разных специальностей рассматривают этническую историю как всемирный процесс, протекавший во все периоды существования людей современного вида и продолжающийся в настоящее время<sup>2</sup>.

Уже после VII МКАЭН появилось несколько работ советских этнографов, посвященных происхождению и этнической истории народов СССР<sup>3</sup> и некоторых зарубежных стран<sup>4</sup>. В последние годы значительно возрос интерес советских этнографов к разработке теоретических

---

<sup>1</sup> «Численность и расселение народов мира», под ред. С. И. Брука, «Народы мира, этнографические очерки», М., 1962, стр. 11—58; «Народы Восточной Азии», под ред. Н. Н. Чебоксарова, С. И. Брука, Р. Ф. Итса, Г. Г. Стратановича, то же М.—Л., 1965, Введение, стр. 9—130.

<sup>2</sup> Н. Н. Чебоксаров, Проблемы происхождения древних и современных народов (вступительное слово на симпозиуме), М., 1964.

<sup>3</sup> См. например: Т. А. Жданко, Этнографическое изучение процессов развития и сближения социалистических наций в СССР, «Сов. этнография» (далее СЭ), 1964, № 6, стр. 16—24; О. А. Ганцкая, Л. Н. Терентьева, Этнографические исследования национальных процессов в Прибалтике, СЭ, 1965, № 5; И. С. Гурвич, Этническая история северо-востока Сибири, «Труды Ин-та этнографии АН СССР» (далее ТИЭ), нов. серия, т. 89, М., 1966.

<sup>4</sup> А. И. Першиц, Племя, народность и нация в Саудовской Аравии, СЭ, 1961, № 5; С. И. Брук, Н. Н. Чебоксаров, Современный этап национального развития народов Азии и Африки, СЭ, 1961, № 4; С. И. Брук, Основные проблемы этнической географии (Методика определения этнического состава населения, принципы этнического картографирования), М., 1964; А. В. Ефимов, К вопросу о возникновении и развитии наций в Латинской Америке, сб. «Нации Латинской Америки», М., 1964; Н. Н. Чебоксаров, Этнические процессы в странах Южной и Юго-Восточной Азии (по данным полевых исследований советских антропологов и этнографов), СЭ, 1966, № 2.

проблем этногенеза и этнической истории, в частности типологии этнических общностей, которой и посвящена настоящая статья<sup>5</sup>.

Многие этнографы безоговорочно отождествляют понятие «этническая общность» с «народом». С. А. Токарев, например, прямо пишет: «В этнографической науке уже давно установился взгляд, что этнические общности, т. е. попросту народы (разрядка моя. — Н. Ч.) отличаются друг от друга не по одному какому-либо признаку, а по совокупности нескольких признаков...»<sup>6</sup>. Подобно этому В. И. Козлов ставит знак равенства между понятиями «этническая общность» и «народ»<sup>7</sup>. Того же взгляда придерживается и Л. П. Лашук<sup>8</sup>. М. Г. Левин и автор настоящей статьи еще в 1957 г. высказали несколько отличное мнение, согласно которому термин «этническая общность» шире понятия «народ», так как им можно назвать как «группу народов, близких по языку и культуре», так и «часть народа, имеющую известное языковое и культурное своеобразие»<sup>9</sup>. Та же точка зрения в более развернутом виде была изложена автором во вступительном слове на симпозиуме «Проблемы происхождения древних и современных народов»<sup>10</sup>.

Действительно, часто бывает очень трудно провести принципиальное разграничение между отдельным народом или группой родственных по происхождению и языку народов, обладающих многими сходными, а часто и общими особенностями культуры и отчетливо сознающими свою этническую близость. Яркими примерами таких групп народов могут служить восточные славяне — русские, украинцы и белорусы, народы северной Индии, говорящие на различных диалектах языка хинди и с трудом отграничиваемые один от другого, или современные испаноязычные нации Латинской Америки<sup>11</sup>. Очень часто бывает, что отдельные этнические общности в процессе своего исторического развития распадаются на самостоятельные народы, не утрачивающие, однако, своей этнической близости. Именно так обстояло дело с древнерусской народностью, на базе которой сложились русский, украинский и белорусский народы. Что мешает называть такие родственные группы народов этническими общностями? В то же время можно согласиться с В. И. Козловым и Л. П. Лашуком, что подобные группы целесообразно обозначать как «этно-лингвистические»<sup>12</sup>, подчеркивая тем самым большую роль языкового сходства в их выделении.

С другой стороны, нередко бывает трудно провести границу между народами (особенно крупными) и входящими в их состав местными

<sup>5</sup> С. И. Брук, Указ. раб.; О. А. Ганцкая, Л. Н. Терентьева, Указ. раб.; И. С. Гурвич, Указ. раб.; В. К. Гарданов, Б. О. Долгих, Т. А. Жданко, Основные направления этнических процессов у народов СССР, СЭ, 1961, № 4; Б. О. Долгих, Родовой и племенной состав народов Сибири в XII веке, ТИЭ, нов. серия, т. 55, М., 1960; Т. А. Жданко, Указ. раб.; В. И. Козлов, Некоторые проблемы теории нации, «Вопросы истории» (далее ВИ), 1967, № 1; его же, О понятии этнической общности, СЭ, 1967, № 2; Л. П. Лашук, О формах донациональных этнических связей, ВИ, 1967, № 4; М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров, Расы, языки и народы, «Очерки общей этнографии», Общие сведения, Австралия и Океания, Америка, Африка, М., 1957; С. А. Токарев, Проблема типов этнических общностей, Вопросы философии (далее ВФ), 1964, № III; Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб.

<sup>6</sup> С. А. Токарев, Указ. раб., стр. 43.

<sup>7</sup> В. И. Козлов, О понятии этнической общности, стр. 117—118.

<sup>8</sup> Л. П. Лашук, Указ. раб., стр. 78.

<sup>9</sup> М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 10.

<sup>10</sup> Н. Н. Чебоксаров, Проблемы происхождения древних и современных народов, стр. 5.

<sup>11</sup> Там же, стр. 2.

<sup>12</sup> В. И. Козлов, О понятии этнической общности, стр. 118; Л. П. Лашук, Указ. раб.

«этнографическими группами», различающимися по территории своего расселения, многим хозяйственным, культурным и бытовым особенностям, а нередко и по диалектам. В составе русского народа, например, наиболее крупными этнографическими группами являются южные и северные великоруссы, внутри которых отчетливо выделяются еще более мелкие местные группы (например, поморы, казаки различных районов и т. п.). Подобные же этнографические группы существуют и среди многих других народов, например, американцев, немцев, французов, китайцев, бразильцев и т. д.

Таким образом, «этническая общность» — понятие более широкое, чем «народ». Существуют, очевидно, этнические общности различных таксономических категорий или порядков. Народы — это как бы основные единицы этнической классификации человечества, наряду с которыми можно выделять этнические общности, таксономически более высокого и более низкого порядка. Первые можно назвать этнолингвистическими общностями, а вторые — этнографическими группами. Проблемы этногенеза и этнической истории должны включать вопросы происхождения этнических общностей всех порядков, от наиболее крупных до самых мелких. В советской и зарубежной специальной литературе вместо слова «народ» часто употребляется заимствованный из древнегреческого языка термин «этнос», имеющий по существу то же самое значение.

В советской, а отчасти и зарубежной научной литературе неоднократно предпринимались попытки дать определение этническим общностям, установить признаки, по которым они отличаются от всех других общностей людей. Никто не сомневается в том, что для образования любой этнической общности, люди, входящие в ее состав, должны обитать на какой-то определенной территории, находиться между собой в реальных хозяйственных связях и понимать друг друга, т. е. говорить на одном языке. Очевидно, таким образом, что этнические общности всегда представляют собой исторически сложившиеся социальные коллективы, которые разграничиваются по признакам, возникшим в процессе общественно-экономического развития человечества. Тем самым этнические общности принципиально отличаются от тех общностей людей, которые выделяются по биологическим признакам, например, от рас, конституциональных типов и т. п. Этим не снимается конечно, проблема соотношения этнических и биологических групп человечества, но исключается возможность их отождествления, неизбежно ведущая к биологизации истории и дающая основание для реакционных расистских концепций<sup>13</sup>.

В этногенетической литературе последних лет много внимания уделяется оценке значения отдельных признаков для определения понятия этнической общности<sup>14</sup>. Вряд ли, однако, можно что-либо возразить против использования при таком определении указанных выше особенностей, присущих каждой этнической общности, по крайней мере, в период ее образования (единая территория, реальные хозяйственные связи, общий язык), если только не абсолютизировать их и не считать постоянными и обязательными для всех периодов истории человечества в целом и истории каждого народа в отдельности. Хорошо известно, что в процессе развития многих этнических общностей, первоначальные

<sup>13</sup> См., например, М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 39—41; Я. Я. Рогинский, М. Г. Левин, Антропология, М., 1963, гл. 18: Нация и раса, стр. 321—322; В. П. Алексеев, Расизм в современной антропологии, Сб. «Против расизма», М., 1966, стр. 7—26.

<sup>14</sup> В. И. Козлов, Указ. работы; С. А. Токарев, Указ. раб.; Н. Н. Чебоксаров, Указ. работы.

территориальные, хозяйственные и даже языковые связи ослабевают, а нередко, и полностью разрываются, в то время как сами этнические общности продолжают существовать еще длительное время. Можно указать немало народов (например, армяне, цыгане, тамилы, малайцы, китайцы и многие другие), которые в настоящее время живут в различных, удаленных друг от друга странах, экономически мало связанных или совсем не связанных между собой. В то же время есть немало стран и областей, где живут бок о бок самые разнообразные народы, давно уже тесно связанные между собой территориально и экономически, но сохраняющие этническую обособленность. В СССР такими крупными районами со сложным этническим составом являются, например, Кавказ, Средняя Азия, Волго-Камье и Приуралье, в меньшей степени — Сибирь, Прибалтика и Дальний Восток. Этническая обособленность отдельных групп населения сохраняется часто даже в пределах небольших государств со сложной этнической историей (Сингапур, Малайя, Лаос, Цейлон в Азии, большинство государств Африки, образовавшихся после второй мировой войны, многие страны Центральной Америки).

Реже нарушается общность языка, который и в наше время остается одним из важнейших этнических определителей. Можно утверждать, что каждый народ говорит или, по крайней мере, говорил в прошлом на своем языке. Но уже давно сложилось много различных народов, пользующихся одним и тем же языком. Вспомним, например, широкое распространение английского, испанского или малайского, в меньшей мере — португальского или французского языков. У многих крупных и широко расселенных народов языковые различия между отдельными этнографическими группами настолько велики, что исключают взаимное понимание (при неграмотности и незнании общелитературного языка). Это относится, например, к китайцам в Восточной Азии или к немцам в Центральной Европе. Известны также случаи, когда небольшие этнические общности сохраняют ясное представление о своей этнической принадлежности даже при полной утрате родного языка. Так случилось с татарами Литвы и Польши, которые забыли свой язык, но помнят о своем происхождении, сохранили многие характерные для татар культурно-бытовые особенности (в частности религию) и считают себя татарами.

К числу важнейших признаков, разграничивающих отдельные этнические общности, относятся также культурные особенности, которые каждый народ вырабатывает в процессе своего исторического развития и затем передает от поколения к поколению. Совокупность этих взаимосвязанных между собой особенностей составляет то, что в этнографической литературе обычно называют этнической традицией<sup>15</sup>. Такие традиции складываются в те или иные исторические эпохи в связи с социально-экономическими и естественно-географическими условиями жизни каждого народа, но после своего возникновения они приобретают значительную устойчивость и долго сохраняются даже тогда, когда условия эти успевают сильно измениться. Роли культурных особенностей в определении понятия «этническая общность» не отрицает никто из исследователей, работавших над этой проблемой.

Однако не следует культурную специфику народа понимать только в узком «этнографическом» смысле слова как совокупность традици-

<sup>15</sup> Н. Н. Чебоксаров, Проблемы происхождения древних и современных народов, стр. 3; сравни также: Н. Н. Чебоксаров, Я. В. Чеснов, Некоторые проблемы агроэтнографии (на примере народов Юго-Восточной Азии), СЭ, 1967, № 3.

онных особенностей материальной и духовной культуры, сложившихся в прошлом. Речь идет о культурных достижениях того или иного народа в целом, о накопленной им информации, о его вкладе в современную мировую культуру. В наши дни люди определяют свою этническую принадлежность не столько по тому, что они живут в домах сходного типа, одеваются в платья одного покроя, любят одни и те же кушанья, или поют одни и те же песни, сколько по тому, что они являются обладателями культурного наследства своего народа, продолжателями его прогрессивных творческих усилий в различных областях хозяйственной, общественной и культурной деятельности, науки, литературы и искусства. Вот почему проблемы этногенеза и этнической истории неотделимы от вопросов истории культуры, формирования и развития тех специфических хозяйственных, культурных и бытовых особенностей, которые свойственны любому этносу, современному или древнему, большому или малому.

Нам кажется, что эти положения не противоречат ни фактическим данным о больших культурно-бытовых различиях между разными социальными группами одного народа в классовом обществе, ни столь же реальным материалам о несовпадении границ географического распространения отдельных особенностей культуры с этническими территориями. Можно вполне согласиться с В. И. Козловым, что «...определяя этническую общность, следует делать упор не на „общность культуры“, а на те специфические элементы ее культуры и культурно-бытовые особенности людей, которые вместе с языком создают неповторимый облик основных этнографических групп этой общности»<sup>16</sup>. Своеобразие культурного облика является тем основным критерием, по которому нередко разграничиваются народы, давно живущие на общей территории и тесно связанные между собой экономически. Так, например, в Югославии сербы, хорваты, черногорцы и боснийцы говорят на одном и том же сербо-хорватском языке, обитают на смежных территориях, издавна находятся между собой в экономической связи, но тем не менее являются самостоятельными народами со своей самобытной культурой. Подобно этому в Китае китайцы (хань) и дунгане (хуэй), говорящие на китайском языке, расселены чересполосно в разных районах страны (иногда в одних и тех же городах и деревнях), но заметно отличаются друг от друга своими исторически сложившимися бытовыми особенностями, частично связанными с различной религией.

Что касается культурно-бытовых различий между социальными группами внутри одного этноса, то хотя различия эти и имеют тенденцию углубляться на всем протяжении истории классового общества, они никогда не охватывают всего культурного достояния народа, особенно его достижений в области науки, литературы и искусства. Прогрессивное творчество А. С. Пушкина, И. Е. Репина или Д. И. Менделеева составляет, в первую очередь, неотъемлемую часть сокровищницы русской культуры и только через эту культуру становится достоянием всего передового человечества. В этой связи очень уместно вспомнить мысли, высказанные В. И. Лениным в его известной статье «О национальной гордости великороссов», написанной в 1914 г. «Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, — писал В. И. Ленин, — чувство национальной гордости? Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину, мы больше всего работаем над тем, чтобы её трудящиеся массы (т. е. 9/10 её населения) поднять до сознательной жизни демократов и социалистов». И дальше: «Мы гордимся тем, ... что эта среда

<sup>16</sup> В. И. Козлов, О понятии этнической общности, стр. 23.

(великорусская) выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс, что великорусский мужик начал в то же время становиться демократом, начал свергать попа и помещика»<sup>17</sup>.

Очевидно, могут существовать народы, живущие на одной территории, имеющие общую экономическую базу и говорящие на одном языке, но нет и не может быть даже двух народов с совершенно одинаковой культурой. Если народ утрачивает свою культурную специфику, он перестает существовать как отдельный самостоятельный этнос. Именно так случилось со многими этническими общностями, известными по историческим данным, которые, хотя и не вымерли биологически, но исчезли социально, так как в культурном отношении полностью слились с соседними народами. Это относится, например, к различным этническим общностям Восточной Европы, упоминаемым в русских летописях и других средневековых источниках (меря, мурома, мешера, чудь заволоцкая, голядь, ятвяги и многие другие)<sup>18</sup>.

По нашему мнению, именно культурная специфика должна рассматриваться как основной признак всякого этноса, позволяющий во всех без исключения случаях отграничить его от других этносов. В сущности говоря, даже язык, обычно считающийся главным этническим определителем, теснейшим образом связан с культурой говорящего на этом языке народа, поскольку его культура, в первую очередь духовная, в значительной мере всегда выражается на определенном языке. Язык часто и, по нашему мнению, вполне справедливо называют формой существования культуры. Этнография, наука о народах, является в то же время наукой об их культуре. Каждый этнос надо рассматривать как исторически сложившийся коллектив людей вместе с территорией его формирования и последующего расселения, созданной им культурой и языком, который эту культуру выражает.

Таким образом, можно наметить целый ряд признаков, являющихся весьма существенными при характеристике этнической общности. В разные эпохи и в разных исторических условиях одни из них могут иметь большее, другие — меньшее значение. Взаимодействие этих признаков, их суммарное влияние на образование и сохранение этнической общности, выражаются в виде вторичного явления — этнического самосознания, которое, в конечном счете, оказывается решающим для определения принадлежности отдельных людей или целых человеческих коллективов к той или иной этнической общности. Этническое самосознание представляет собой своего рода результат действия всех основных факторов, формирующих этническую общность. Самосознание это, как правило, связывается с определенным названием этнической общности, хорошо известным каждому, кто причисляет себя к этой общности. В демографической и паспортной практике нашей страны такое этническое имя обычно обозначают как «национальность».

Автор настоящей статьи еще в 1964 г. высказал мысль, что «этнической общностью можно считать всякую общность, которая складывается на определенной территории среди людей, находящихся между собой в реальных социально-экономических связях и говорящих на взаимопонятном языке, сохраняет, как правило, на протяжении всего своего существования известную культурную специфику и сознает себя от-

<sup>17</sup> В. И. Ленин, О национальной гордости великороссов, Полн. собр. соч., т. 26, стр. 106.

<sup>18</sup> См., например, М. Г. Рабинович, Н. Н. Чебоксаров, Ранние этапы этнической истории, Исторические судьбы народов, в книге «Народы европейской части СССР», I, «Народы мира, этнографические очерки», М., 1964, стр. 26—57.

дельной самостоятельной общественной группой»<sup>19</sup>. С. А. Токарев, примерно в то же время, предложил предварительное определение этнической общности, как общности людей, «которая основана на одном или нескольких из следующих видов социальных связей: общность происхождения, языка, территории, государственной принадлежности, экономических связей, культурного уклада, религии (если эта последняя сохраняется)»<sup>20</sup>. В. И. Козлов подверг оба эти определения критическому разбору и в свою очередь высказал мысль, что «основными признаками этнической общности являются: этническое самосознание и самоназвание, язык, территория, особенности психического склада, культуры быта, определенная форма социально-территориальной организации или четко выраженное стремление к созданию такой организации»<sup>21</sup>.

Несмотря на известные различия этих определений, в них нетрудно найти и общие черты. Так, территория формирования и расселения, экономические связи, общий язык и специфические культурные особенности фигурируют в той или иной форме во всех приведенных (а также и во многих других) определениях этнической общности. Общность происхождения вряд ли может считаться признаком каждой этнической общности. Как, например, следует понимать общность происхождения современных американцев, мексиканцев, китайцев, и многих других народов, сложившихся из различных этнических компонентов? Психический склад, быт и религия, фигурирующие в качестве этнических признаков, не являются самостоятельными, так как всегда выступают в тесной связи с особенностями культуры. Что же касается определенной формы социально-территориальной организации и, тем более, государственной принадлежности, то эти признаки могут быть отнесены только к этническим общностям самого конца периода первобытнообщинного строя и в еще большей мере эпохи классового общества. С учетом всего сказанного и в настоящее время нет оснований отказываться от предварительного определения этнической общности, сформулированного автором.

К числу важнейших теоретических проблем этногенеза и этнической истории относится также вопрос о типах этнических общностей. Общности эти, несомненно, столь же древни, как древни сами люди — по крайней мере люди современного вида. Но столь же ясно, что этнические общности разных исторических эпох, обладая некоторыми общими признаками, в то же время качественно отличаются друг от друга. Было бы большой ошибкой ставить знак равенства между современными нациями и древними племенами и исследовать происхождение тех и других с помощью одних и тех же методов. Советские ученые придают большое значение постановке вопроса о типах этнических общностей, характерных для различных социально-экономических формаций.

Наиболее ясен для нас вопрос об этнических общностях эпохи первобытнообщинного строя. Общности эти, обычно называемые племенами, складывались, как и все другие этнические общности, на определенной территории среди людей, находившихся между собой в реальных хозяйственных связях, говоривших на одном языке и обладавших специфическими культурными особенностями. Однако в отличие от этнических особенностей более поздних исторических эпох племенные общности основывались на действительных или мнимых кровно-родственных связях, то есть состояли из людей, имевших общее происхождение или во

<sup>19</sup> Н. Н. Чебоксаров, Проблемы происхождения древних и современных народов, стр. 5.

<sup>20</sup> С. А. Токарев, Указ. раб., стр. 44.

<sup>21</sup> В. И. Козлов, О понятии этнической общности, стр. 126.

всяком случае считавших себя связанными таким происхождением. Второй характерной особенностью племенных общностей являлось отсутствие внутри них заметного социального расслоения, а тем более антагонистических классов. В силу этого культура этих общностей была единой: этническая и социальная специфика культуры в то время совпадали.

Племя, состоявшее из нескольких (первоначально, вероятно, двух) экзогамных родов, было древнейшей территориально-социальной общностью людей современного вида, возникшей, надо думать, на базе первобытного стада в результате обуздания в последнем животных инстинктов. Однако отдельное племя со свойственными ему институтами представляет скорее одну из ранних форм социальной организации, а не самостоятельную этническую общность. Основными типами этнических общностей эпохи первобытнообщинного строя были вероятно, группы родственных племен, живущих на смежных территориях, говорящих на диалектах одного языка и обладавших многими общими особенностями культуры. Именно такие племенные группы и представляли собой, по-видимому, основные этносы или народы эпохи первобытнообщинного строя. Отдельные племена были своего рода этнографическими группами внутри подобных племенных общностей «первого порядка».

Изложенные взгляды на происхождение древнейших этнических общностей подтверждаются фактическими материалами, относящимися к народам, в жизни которых до недавнего времени сохранялись многие черты первобытнообщинного строя. Так, например, австралийцы делились на отдельные племена, общее количество которых достигало 500. Численность разных племен колебалась от нескольких сот до нескольких тысяч человек. Большинство этих «племен» (камиларои, курнаи, нарриньери, аранда, варрамунга и др.) представляло собой, по-видимому, уже племенные группы — своего рода народы или этносы первобытного общества. У австралийцев не было ни племенных вождей, ни племенных советов, ни каких-либо других форм постоянной племенной организации. Но каждая племенная группа имела свое название, территорию, свои особые обычаи, обряды, предания о происхождении и другие этнические традиции. Отдельные племена большей частью говорили на диалектах одного языка, характерного для целой племенной группы, т. е. для «первобытного этноса». Границы между этими этносами часто бывали неопределенными и расплывчатыми: отдельные племена и племенные группы как бы постепенно переходили друг в друга, образуя своего рода «этническую непрерывность». Особенно характерной подобная непрерывность была, по-видимому, для папуасов Новой Гвинеи, по отношению к которым некоторые исследователи говорят о «контактных этнических общностях»<sup>22</sup>.

Гораздо более сложной была племенная организация у народов, которые ко времени изучения их этнографами стояли на грани перехода к классовому обществу. Ярким примером такой усложненной организации могут служить ирокезы, племена которых (сенека, кайюга, онондага, онеида и могавки) в отличие от австралийских племен, имели особые племенные советы, включавшие военных вождей и старейшин для мирного времени, называемых европейскими авторами «сахемами». Признаки, характерные для племен ирокезов, Ф. Энгельс считал вообще типичными для племенной организации позднего этапа развития первобыт-

<sup>22</sup> Н. А. Бутин ов, Происхождение и этнический состав коренного населения Новой Гвинеи, Сб. «Проблемы истории и этнографии народов Австралии, Новой Гвинеи и Гавайских островов», ТИЭ, нов. серия, т. 80, 1962.

ного общества<sup>23</sup>. Аналогии этой организации по историко-этнографическим данным можно найти у народов различных стран и исторических периодов во всех частях света. Яркими примерами могут служить племенные общности восточных славян I тыс. н. э.: вятичи, кривичи, ильменские словене, радимичи, дреговичи, древляне, поляне и другие, позднее сплотившиеся в древнерусский этнос. К той же категории этнических общностей должны быть отнесены такие народы, как, например, обские угры (ханты и манси) Западной Сибири, чукчи и айны Дальнего Востока, зулусы и бечуаны Южной Африки, древние германцы и многие другие<sup>24</sup>. В ряде случаев, главным образом при контактах с классовыми обществами, племенная структура и кровнородственные связи могут исчезнуть и уступить место чисто территориальным (без резкого социального расслоения внутри народа). Такова была, например, судьба многих мон-кхмерских и мяо-яоских этносов Южного Китая и Северного Индокита, а также горных народов Филиппин.

Этнические общности тех эпох истории человечества, когда существовали антагонистические классы, принципиально отличались от племенных групп двумя основными признаками: во-первых, тем, что общности эти состояли из людей, связанных друг с другом не кровным родством, но хозяйственно-культурными отношениями территориально-соседского характера, и, во-вторых, тем, что они всегда включали эксплуататорские и эксплуатируемые классы, заметно отличавшиеся друг от друга своим социально-экономическим положением и культурно-бытовыми особенностями. Для обозначения этнических общностей раннеклассовых (докапиталистических) формаций в советской научной и политической литературе употребляется обычно один и тот же термин «народность». Надо, однако, иметь в виду, что «народности» различных исторических периодов по многим существенным особенностям сильно отличаются друг от друга<sup>25</sup>. На заре развития классового общества основу народа составляли, как правило, свободные общинники (земледельцы или скотоводы), которые подвергались различным видам эксплуатации со стороны нарождавшейся родоплеменной знати, принадлежавшей нередко к другому этносу. С возникновением в некоторых странах (главным образом в Передней Азии и Средиземноморье) рабовладельческих обществ начал формироваться особый эксплуатируемый класс — рабы, — отличавшийся, по крайней мере на первых порах, от рабовладельцев и свободных общинников своей этнической принадлежностью. Рабы долгое время не входили в состав основных этносов тех стран, где они жили, и только медленно и, можно сказать, очень болезненно включались в их состав.

В феодальном обществе эксплуатируемые группы населения — крепостное крестьянство и трудящиеся города — всегда составляют основу этноса, и именно их культурно-бытовые особенности выступают в качестве характерных этнографических признаков всего народа. Что же касается социальной верхушки феодального общества, то по мере развития феодальных отношений у нее все сильнее проявляются «космопо-

<sup>23</sup> К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., Изд. 2, т. 21, стр. 92—95.

<sup>24</sup> Л. П. Лашук, Указ. раб., стр. 84—85.

<sup>25</sup> См. указанные выше работы В. И. Козлова, С. А. Токарева и Н. Н. Чебоксарова, а также А. Г. Агаев, К вопросу о теории народности, Махачкала, 1965; его же, Народность как социальная общность, ВФ, 1965, № 11, стр. 26—36; см. также: А. М. Архангельский, Племя, народность, нация как исторические формы общности людей, М., 1961; Э. И. Минаков, Племя, народность, нация как исторические формы общности людей, Тирасполь, 1961; В. В. Алексеев, Род, племя, народность, нация (исторические формы общности людей), М., 1962.

литические» тенденции и по своему культурно-бытовому укладу, а часто и по самосознанию она отрывается от трудящихся масс. Так, в раннефеодальную эпоху этот процесс был очень характерен для многих стран Северной и Западной Африки, где параллельно с исламизацией местная верхушка отрывалась и вступала на путь арабизации. В позднефеодальное время почти во всех странах Европы феодальная знать, все более и более обособляясь по культурно-бытовому укладу от трудящихся, почти полностью перешла на французский язык и подражала сложившимся у французской аристократии нравам и обычаям. В этот же период наиболее часто встречались общества, где в результате завоеваний почти совпадали линии классовых и этнических различий. Так было, например, в средние века в Латвии и Эстонии, Ирландии, позднее во многих странах Центральной и Южной Америки.

Необходимо также подчеркнуть, что при феодализме (как и при рабовладении) наряду с характерными для этого периода народностями продолжали существовать этнические общности, сложившиеся в предыдущие исторические эпохи. Так, например, в состав русского феодального государства XV—XVIII вв. входили различные группы племен, расселенные на огромных пространствах от Поволжья до Тихого океана. Когда русские люди, перевалив через Уральские горы, начали освоение Сибири, они встретились там с многочисленными народами, которые по своей этнической структуре представляли собой племенные общности, сложившиеся еще в эпоху первобытнообщинного строя. Такими были маньси (вогулы) и ханты (остяки), различные группы самодийских и тунгусских племен, а также палеоазиаты, эскимосы и алеуты. Аналогичные процессы включения в состав феодальных государств народов, сохранивших многие особенности первобытнообщинного строя, наблюдались и во многих других странах. Например, в Индии, в Южном Китае, Индокитае, Индонезии и на Филиппинах крупные народности с развитыми феодальными отношениями заселяли, главным образом, плодородные долины больших рек и морские побережья, оттесняя небольшие этносы в горы, где они еще долго сохраняли племенную структуру.

Этнические общности нового типа, складывающиеся с развитием капиталистических отношений, в советской научной и политической литературе обычно называют «нациями». Характерные особенности наций, отличающие их от этнических общностей предшествующих эпох, определены во многих работах К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. Самое главное в образовании наций, по Ленину, это укрепление экономических связей между всеми местными группами народа (или соседних родственных народов), слияние местных рынков в единый общий национальный рынок<sup>26</sup>. В России процесс этот начался в XVII в., в других европейских странах он развертывался несколько раньше или позднее, но всегда в связи с зарождением капиталистических отношений (первоначально в виде уклада в недрах феодального общества). В Северной и Южной Америке, в Азии, а тем более в Австралии, Океании и в Африке нации стали складываться не ранее конца XVIII — начала XIX в. по мере развития капитализма в отдельных странах этих частей света. В. И. Ленин очень четко отличает нации от местных групп феодального периода, которые, хотя и были территориальными, а не кровно-родственными, как первобытные племена, тем не менее не представляли собой единого экономического целого<sup>27</sup>. С образованием наций,

<sup>26</sup> В. И. Ленин, Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов, Соч., т. I, стр. 115—183 (о формировании наций, стр. 137—138).

<sup>27</sup> В. И. Ленин, там же.

как правило, постепенно сходило на нет местное этническое самосознание, заменяясь сознанием общенациональным. В дискуссии о нации, развернувшейся в последнее время на страницах советских научных журналов (прежде всего «Вопросы истории») нации обозначаются как «исторические», «социально-исторические» или «социально-этнические» общности<sup>28</sup>.

Советские этнографы считают нацию одним из видов этнической общности<sup>29</sup>. «Этническая общность» — это «родовое» понятие, а «племя», «народность», «нация» — понятия видовые. Несомненно, что каждая нация является народом (этносом), но далеко не всякий народ можно рассматривать как нацию. Важно отметить, что в самых последних дискуссионных статьях о нации историки и философы все чаще обозначают ее как этническую общность<sup>30</sup>. В этом нельзя не видеть влияния работ советских этнографов, которые принимают все более и более активное участие в разработке актуальных проблем национального развития.

Придавая решающее значение в процессе формирования наций развитию экономических связей между отдельными территориальными общностями одного этноса или группы соседних этносов, нельзя в то же время абсолютизировать эти связи, считать их неизменными и обязательными на всех этапах существования наций, а главное, подменять понятие экономической основы образования наций представлением об их экономической обособленности. Совершенно прав В. И. Козлов, когда он пишет: «Сложность проблемы экономической общности нации связана с тем обстоятельством, что экономические факторы обычно влияют на формирование наций косвенным путем, через соответствующие надстроечные формы — политические, идеологические и др. Особенно велика роль политического фактора государства, пришедшего на смену первоначальной, родоплеменной организации общества»<sup>31</sup>. Экономические, лингвистические и историко-этнографические данные, относящиеся к самым разнообразным народам, полностью подтверждают эти положения. Политическое развитие народов, образование государств и в той или иной степени устойчивых границ между ними было мощным этногенетическим фактором на всем протяжении истории классового общества. Это нетрудно понять, если учесть, что необходимой предпосылкой образования любой этнической общности является общность территориальная, которая всегда нарушается, если она рассекается государственными границами. Чем дольше существуют эти границы, тем большую роль они играют для распадаения прежде единых народов на новые этносы. При капитализме, когда особенно возрастает роль экономических связей в этническом развитии, политический фактор выдвигается на первый план. Можно даже утверждать, что национальная консолидация полностью завершается только тогда, когда народы,

<sup>28</sup> П. М. Рогачев, М. А. Свердлин, О понятии «нация», ВИ, 1966, № 1; Обсуждение статьи П. М. Рогачева и М. А. Свердлина «О понятии „нация“», ВИ, 1966, № 2; М. С. Джунусов, Указ. раб.; С. Т. Калтахчян, К вопросу о понятии «нация», ВИ, 1966, № 6; П. Г. Семенов, Нация и национальная государственность в СССР, ВИ, 1966, № 7; М. О. Мнацаканян, Нация и национальная государственность, ВИ, 1966, № 9; Т. Ю. Бурмистрова, Некоторые вопросы теории нации, ВИ, 1966, № 12; В. И. Козлов, Некоторые проблемы теории нации; Н. А. Тавакалян, Некоторые вопросы понятия «нация», ВИ, 1967, № 2, стр. 115—123; Н. П. Ананченко, От нации к интернациональной общности людей, ВИ, 1967, № 2; Л. П. Лашук, Указ. раб.

<sup>29</sup> См. цитированные выше работы С. И. Брука, А. В. Ефимова, В. И. Козлова, Л. П. Лашука, С. А. Токарева и автора.

<sup>30</sup> См. работы, указанные в сноске <sup>28</sup>.

<sup>31</sup> В. И. Козлов, Некоторые проблемы теории нации, стр. 94.

идущие по этому пути, обретают политическую самостоятельность или, по крайней мере, автономию в рамках национальных или многонациональных государств. Так, в зарубежной Европе почти все крупные народы, сложившиеся в нации — англичане, голландцы, французы, испанцы, португальцы, немцы, итальянцы, шведы, датчане и др., образовали в XV—XIX вв. свои национальные государства.

Нации не являются, конечно, единственными этническими общностями капиталистической эпохи. И при капитализме продолжают существовать народы, сложившиеся в более раннее время, которые не становятся экономически сплоченными единицами, и, следовательно, не формируются в самостоятельные нации. Такие общности часто обозначались как «народности» капиталистического периода, хотя по своему классовому составу и особенностям культуры они сильно отличаются от народностей раннеклассовых обществ<sup>32</sup>. Именно такие народности, возникшие еще при феодализме, но продолжающие существовать и сохранять свою этническую самобытность, представляют собой многие национальные меньшинства в развитых капиталистических странах, как, например, уэльсцы в Англии, бретонцы во Франции, фриулы в Италии, и т. п.

Нации и народности капиталистического периода, как и этносы раннеклассовых обществ, состоят из антагонистических классов, между которыми все время происходит политическая, экономическая и идеологическая борьба. Как известно, основными классами периода капитализма во всем мире являются буржуазия и пролетариат. Однако наряду с ними в эту эпоху в большинстве стран продолжают существовать, хотя и постепенно разлагаются, классы феодального времени — помещики и крепостные крестьяне. Кроме того, в составе всех перечисленных классов складываются различные социальные группы и прослойки — мелкая, средняя и крупная буржуазия, промышленный и сельскохозяйственный пролетариат, кустари-ремесленники, интеллигенция, по своему происхождению, экономическому положению и идеологии связанная с разными классами. Удельный вес всех этих групп в составе различных наций и народностей может быть очень различным; в значительной степени он зависит от соотношения в хозяйственной жизни отдельных народов социально-экономических укладов. Тем не менее культурно-бытовые различия между разными классами и социальными группами наций и народностей эпохи капитализма всегда бывают очень значительными. Это дало основание В. И. Ленину выдвинуть свое положение о «двух нациях в каждой современной нации» о «двух национальных культурах в каждой национальной культуре»<sup>33</sup>. Речь идет о противопоставлении реакционной культуры господствующих классов — буржуазии и примыкающих к ней обуржуазившихся помещиков, с одной стороны, и прогрессивной демократической культуры широких трудящихся масс во главе с рабочим классом, с другой стороны.

Своеобразно протекают процессы национального развития в бывших колониальных и зависимых странах, недавно освободившихся из-под гнета империалистов. Преобладают здесь, несомненно, исторически прогрессивные процессы экономического, культурного и политического сближения разных народов, их интенсивного взаимодействия во всех областях общественной жизни. Очень важно подчеркнуть, что такое сближение происходит, как правило, в рамках исторически сложившихся государств. Политические границы в зарубежной Азии (как,

<sup>32</sup> А. Г. Агаев, Народность как социальная общность, стр. 29—31.

<sup>33</sup> В. И. Ленин, Критические заметки по национальному вопросу, Соч. т. 20, стр. 3—34.

впрочем, и в Африке и Латинской Америке) стали в наши дни в большинстве случаев также рубежами между формирующимися крупными историческими общностями нового типа, независимо от того, являются ли они однородными или неоднородными в этническом отношении. Нет сомнения, например, что к таким общностям принадлежит и ясно сознает эту принадлежность большинство населения стран Южной и Юго-Восточной Азии: Индии, Непала, Цейлона, Бирмы, Таиланда, Камбоджи, Индонезии и Филиппин. Такого рода общности в новейшей историко-этнографической литературе часто называют «этнополитическими» или «национально-политическими»<sup>34</sup>.

В последнее столетие огромную роль в сплочении народов всех стран Зарубежной Азии, Африки и Латинской Америки имел подъем в них национально-освободительного движения, в которое втягивались разные этнические общности, отличавшиеся друг от друга по численности, уровню социально-экономического развития, языку, особенностям хозяйства, культуры и быта. Участие в общей борьбе в сильнейшей степени способствовало укреплению хозяйственно-культурных связей между этими народами, росту у них патриотизма и ясного сознания принадлежности к одному целому — общей для всех них Родине. Герои национально-освободительной борьбы становились героями всей страны, независимо от того, из какого народа они вышли<sup>35</sup>.

После завоевания независимости тенденции социально-экономического и культурного сплочения народов развивающихся стран еще более усилились. У населения этих государств выросло сознание принадлежности к новым национально-политическим общностям, которые в популярной литературе и прессе называют иногда «народами» в самом широком смысле слова. В наши дни вполне реальными стали такие понятия, как «народ Индии», «народ Бирмы», «народ Индонезии» и т. п. Несмотря на то, что каждый из этих «народов» состоит из различных этнических общностей. Очевидно, что национально-политические общности не могут быть безоговорочно отождествлены с общностями этническими, в том числе и с нациями, хотя в политической жизни многих зарубежных стран постоянно пользуются термином «нация» для обозначения именно таких исторических общностей нового типа. Термин «нация» в этом случае приобретает чисто политический смысл и по существу совпадает с понятием «государство». Советские ученые понимают под нацией этническую общность определенного периода в истории человечества, а вовсе не любое государство. Могут существовать как национальные, так и многонациональные государства. В зарубежной Азии примерами первых могут служить Камбоджа и Япония, примерами вторых — Индия и Бирма.

С переходом от капитализма к социализму антагонистические классы постепенно исчезают, а вместе с тем на смену двум национальным культурам приходит единая общенародная социалистическая культура, не носящая уже классового характера. Тем самым формируются этнические общности нового типа, свободные от неразрешимых социальных противоречий. Основными этническими общностями нашего времени в странах социализма являются социалистические нации, которые принципиально отличаются от наций периода капитализма, так как состоят,

<sup>34</sup> С. И. Брук, Н. Н. Чебоксаров, Современный этап национального развития, стр. 89—90; С. И. Брук, Основные проблемы этнической географии, стр. 28; Н. Н. Чебоксаров, Этнические процессы в странах Южной и Юго-Восточной Азии, стр. 52.

<sup>35</sup> Н. Н. Чебоксаров, Этнические процессы в странах Южной и Юго-Восточной Азии, стр. 53; его же, Сорок дней в Индонезии, «Вестник АН СССР», 1962, № 10.

главным образом, из двух дружественных классов — рабочих и крестьян и тесно связанной с ними интеллигенции, обладают единой социалистической по содержанию, национальной по форме культурой, находятся между собой в тесных хозяйственных и культурных связях, которые прогрессивно развиваются на основе полного равноправия, дружбы и взаимопомощи. Однако, наряду с социалистическими нациями в странах социализма сохраняются менее консолидированные экономически и, как правило, менее многочисленные этносы, которые часто называются «социалистическими народностями»<sup>36</sup>. Для народностей этих характерны, конечно, те же специфические признаки, что и для социалистических наций, так что разграничение между обоими типами народов стран социализма довольно сложно, тем более что многие социалистические народности в процессе социально-экономического и культурного развития складываются в нации. Все же главными критериями разграничения наций и народностей в эпоху социализма и перехода к коммунизму являются их численность, компактность этнической территории, уровень экономического, особенно промышленного развития, социальный состав (в первую очередь наличие национального рабочего класса), степень политико-административной и культурной автономии, развития литературы, искусства и науки на родном языке.

В СССР — первом социалистическом государстве мира — национальный вопрос был коренным образом разрешен на основе ленинской национальной политики, главным принципом которой является юридическое и фактическое равноправие всех больших и малых народов и их право на самоопределение. «В условиях социализма, — говорится в Программе КПСС, — происходит расцвет наций, укрепляется их суверенитет... Возникновение новых промышленных центров, открытие и разработка природных богатств, освоение целинных земель и развитие всех видов транспорта усиливают подвижность населения, содействуют расширению взаимного общения народов Советского Союза. В Советских республиках совместно живут и дружно трудятся люди многих национальностей. Границы между союзными республиками в пределах СССР все более теряют свое бывшее значение, поскольку все нации равноправны, их жизнь строится на единой социалистической основе и в равной мере удовлетворяются материальные и духовные запросы каждого народа, все они объединены общими жизненными интересами в одну семью и совместно идут к единой цели — коммунизму»<sup>37</sup>.

В настоящее время Советский Союз представляет собою многонациональное социалистическое государство, которое населяют около 140 народов, тесно связанных длительной совместной жизнью в пределах одного государства. В СССР, как и в других социалистических странах, на основе равноправия и братского сотрудничества разных народов получили дальнейшее развитие процессы этнической и национальной консолидации. Очень ярко процессы эти выражены, например, на Кавказе, который отличается исключительно сложным и пестрым этническим составом населения. Так, в Дагестане, где живет несколько десятков крупных и малых этнических общностей, говорящих на различных языках кавказской семьи, в настоящее время многие мелкие народности — цезы, годоберинцы, хваршинцы и другие — превращаются в этнографические группы наиболее крупного этноса Дагестанской АССР — аварцев. Аналогичные процессы этнической консолидации и вхождения малых народностей в крупные социалистические нации имеют место и в

<sup>36</sup> А. Г. Агаев, Народность как социальная общность, стр. 31—36.

<sup>37</sup> Материалы XXII съезда КПСС, М., 1961, стр. 126.

Закавказье, где основными центрами этих процессов стали, естественно, самые многочисленные народы, имеющие свои союзные республики — грузины, армяне и азербайджанцы. Укрупнение этнических общностей и укрепление всех видов экономических, общественных и культурных связей между ними, происходит также в европейской части СССР, в Средней Азии и в Сибири<sup>38</sup>. Одной из самых характерных особенностей национального развития народов СССР в нашу эпоху развернутого строительства коммунизма является все более и более широкое распространение среди них русского языка. Своим родным этот язык считают примерно 130 млн. человек; однако, если учесть, что он служит в СССР главным языком межнационального общения, то общее число людей, которые постоянно пользуются им, превысит 150 млн.<sup>39</sup> С распространением русского языка тесно связано также формирование в нашей стране совершенно новой, еще не виданной в истории национально-политической общности советского народа. Так же как «народ Бирмы», «народ Индии», или народ любой другой страны с многонациональным составом населения, советский народ не является, конечно, этнической общностью. Однако социально-экономическая сплоченность советского народа, единство его культуры (при всем многообразии ее национальных форм), наличие общей коммунистической идеологии и ясно осознанной цели — строительства коммунизма — все эти характерные черты позволяют рассматривать советский народ как высший тип многонациональной исторической общности.

В других странах социализма, вступивших на путь социалистического строительства позднее Советского Союза, процессы этнического и национального развития отличаются большим своеобразием. В МНР, на пример, где переход к социализму произошел непосредственно от феодального строя, минуя стадию капитализма, монгольская социалистическая нация складывается путем сближения различных монголоязычных или монголизированных народностей, которые консолидируются вокруг монголов — халха (их насчитывается около 800 тыс. при общей численности населения республики почти 1 млн. чел.). В однациональной Корее и особенно в многонациональном Вьетнаме, где докапиталистические общественно-экономические уклады до последнего времени были очень сильны, формирование наций и народностей на базе социализма тормозится искусственным разделением этих стран и агрессивными действиями американских империалистов.

В социалистических государствах Европы национальное развитие наших дней также имеет свои особенности. В Польше, Венгрии и Болгарии, где на долю основных народов приходится свыше 90 % населения, после второй мировой войны образовались высококонсолидированные социалистические нации, с которыми постепенно сливаются малочисленные национальные меньшинства, пользующиеся полным юридическим и фактическим равноправием. В Чехословакии социалистическое общество развивается на основе союза двух братских наций: чехов и словаков, сохраняющих свое языковое и культурное своеобразие. В Румынии наряду с основной нацией — румынами в социалистическом строительстве активно участвуют крупные национальные меньшинства — венгры, немцы, цыгане, евреи и др. В Югославии в процессе социально-эконо-

<sup>38</sup> См. работы, приведенные в прим. 3, а также Н. Г. Волкова, Вопросы двуязычия на Северном Кавказе, СЭ, 1967; № 1; Р. Ш. Джарылгасинова, К вопросу о культурном сближении корейцев Узбекской ССР с соседними народами, СЭ, 1966, № 5.

<sup>39</sup> В. И. Козлов, Языки мира, в кн. «Атлас народов мира», М., 1964, стр. 123—126.

мического и культурного взаимодействия близких южнославянских народов — сербов, хорватов, словенцев, македонцев, боснийцев и черногорцев — складывается прочная национально-политическая общность. В ГДР на базе социализма также разворачивается национальная консолидация. Однако консолидации немецкого народа в целом препятствует агрессивная реваншистская и шовинистическая политика правящих кругов ФРГ и Западного Берлина.

Этнические процессы, протекающие в настоящее время в странах социализма могут служить до известной степени прообразом национального развития всего человечества в период перехода от капитализма к коммунизму. Для всего этого периода характерно развитие экономических связей между разными народами как внутри определенных государств, так и в пределах всего социалистического лагеря, а затем и всего мира, постепенное исчезновение антагонистических классов и ликвидация разрыва между социальными и этническими группами человечества, рост двуязычия и даже многоязычия, когда все большее количество людей хорошо владеет, кроме своего родного языка, государственным языком своей страны, а нередко и иностранными языками, наконец, расширение и углубление обмена лучшими достижениями науки, литературы и искусства между разными этническими общностями. Результатом всех этих взаимосвязанных процессов наших дней является укрупнение этносов, слияние многих небольших этнических общностей с крупными нациями, формирование новых национально-политических общностей в пределах отдельных национальных или многонациональных государств, обогащение мировой цивилизации наиболее прогрессивными элементами культуры всех больших и малых народов.

#### SUMMARY

The author presents a survey of the investigations by Soviet ethnographers into the theoretical problems of ethnogenesis and ethnic history of modern and ancient peoples. The articles by S. I. Brook, A. V. Efimov, V. I. Koslov, L. P. Lashook, S. A. Tokarev and some others dealing with the problem of types of ethnic unity in various periods of socio-economic history (tribe, nationality, nation) are analyzed in detail. According to the present author's view, every kind of unity based on real socio-economic relations among people living on a common territory, speaking a mutually understandable language, having common culture and ethnic selfconsciousness can be treated as ethnic unity. In the course of its existence such a unity maintains definite cultural peculiarity, its members realizing themselves to be an independent social group.